

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman in historical or fantasy clothing. The woman, in the foreground, has long, dark, wavy hair and is wearing a red dress with a white off-the-shoulder top. She has a sad expression, with her eyes closed. The man, behind her, has long dark hair and a beard, and is wearing a dark vest over a white shirt. He is looking down at her with a concerned expression. The setting appears to be an interior room with warm lighting and architectural details like arches and columns.

ЕЛЕНА ТЮРИНА

Горький Риляж

A decorative white flourish with symmetrical scrollwork and a central floral-like motif.

Елена Андреевна Тюрин

Горький грильяж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70260145

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда тебя внезапно среди бела дня похищают пираты, ничего не остаётся, как изводить капризами их высокомерного капитана, и даже ударить его, чтоб знал, что не на ту напал. Но какую тайну скрывает этот человек и почему так ненавидит её отца? Оказалось, что много лет назад ему выжгла душу страшная трагедия.

Содержание

Глава I Маленькая марсельянка	4
Глава II Переезд и новый гардероб	16
Глава III «Подлец» и «гордячка»	26
Глава IV Побег	33
Глава V Суровый отец	46
Глава VI Закон Моисея	57
Глава VII Изгнанники	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Елена Тюрина

Горький грильяж

Глава I Маленькая марсельянка

– Отпустите меня сейчас же! Что это за корабль?! Ответьте меня на берег!

– А ну заткнись! Иначе хуже будет! – рявкнул устрашающего вида детина, угрожающе нависая над ней.

Марселлет ощутила, как внутри всё сжалось от ужаса. Что происходит? Зачем её сюда притащили? От страха она плохо соображала. Её втолкнули в небольшую комнатёнку, стены которой были увешаны картами. Пахло деревом. Вокруг стояла почти звенящая тишина. Судя по небольшой софе в углу, и беспорядку на столе, заваленном книгами, кто-то привык здесь уединяться и проводить долгие часы наедине с собой.

– Вот, господин капитан, как вы приказали. Девчонка доставлена.

В овальном зеркале Марселлет увидела своё отражение. Бледное лицо, чуть подрагивающие тонкие ноздри, беспорядочно свисающие тёмные локоны... А глаза горят от ярости смешанной со страхом. «О боже, боже», – только и крутилось в голове. Кто эти люди? Как они посмели схватить её,

дочь графа де Флориса?!

Мужчина, стоявший к ним спиной, медленно обернулся и смерил её пытливым взглядом. Взгляд этот ощущался физически, всей кожей. Будто он не просто смотрел, а прикасался к ней. Одетый повседневно, в кюлоты из тонкой шерсти, льняную сорочку, украшенную весьма скромными полосками кружева, и жилет, он выглядел как хозяин у себя дома. Руки его были скрещены на груди.

– Проходите, сударыня, располагайтесь, – произнёс незнакомец низким рокошущим голосом.

Марселлет вздрогнула, пронзённая неким странным ощущением, которому не могла найти объяснения. Если бы не ситуация, она бы посчитала его очень красивым и... притягательным.

– Зачем меня схватили и привезли сюда? – с трудом сдерживая плач, спросила она. – Кто вы?

– Капитан Эли Вольфсон к вашим услугам, – мужчина чуть склонился, так что прядь его чёрных волос упала на лоб.

Но выражение лица его при этом оставалось невозмутимым и чуть ироничным. Ни толики почтения к гостю в нём не прослеживалось, и полупоклон этот можно было бы посчитать скорее насмешкой, чем данью уважения.

– С моей командой вы уже знакомы, – добавил Эли.

– Но что вы от меня хотите?

– От вас – ничего, – он пренебрежительно скривил грубо очерченные губы. – А вот ваш папенька должен нам кое-что.

И, надеюсь, теперь будет сговорчивее.

Марселлет покачнулась и чуть не осела на пол, успев удержаться за стену. Иначе бы просто рухнула. Если дело в отце... То её положение гораздо хуже, чем она себе представляла. Девушка понимала, что граф не станет её выручать. Он занят молодой супругой и появлением на свет будущего наследника. Флорис ждёт, что жена вот-вот подарит ему сына. Дочь давно чувствовала, что является помехой в новой семье отца. И спасти себя придётся самой. Но что может совершенно не знающая жизни семнадцатилетняя девушка против команды вооружённых пиратов и их мерзкого главаря?

Отец Марселлет, граф де Флорис, давно не уделял внимания дочери от первого брака. Его первая жена умерла, когда малышке было пять лет. И с тех пор Марселлет занималась тётка Беатрис. Папенька то и дело норовил сослать своё нелюбимое чадо в Марсель, к родственнице, а сам развлекался на балах в Париже, посещал салоны и играл в карты. Даже выгодно выдать дочь замуж он не надеялся. Во-первых, не планировал отдавать за неё щедрое приданое. Во-вторых, среди пышныхотелых аппетитных красавиц, которых нежно называли «бельфам», его тощая смуглая дочка выглядела какой-то дурнушкой. Кто на такую позарится?

Она вновь и вновь прокручивала в голове момент своего похищения. Гулять по берегу моря было её излюбленным занятием здесь, в Марселе. Беатрис всегда беспокоилась, где бывает и что делает племянница. Постоянно выдумывала ка-

кие-то страшные истории о похищениях и убийствах людей. Но Марселлет не верила, считая их плодом тёткиного воображения. Той хотелось держать девушку под контролем, как было в детстве. Но теперь Марселлет считала себя взрослой и не слушала нравоучений мнительной родственницы. Во время таких прогулок она чувствовала себя свободной и даже почти счастливой. Вся обида на отца испарялась, стоило увидеть море и ощутить игру ветра в волосах.

В этот раз девушка сбежала, когда тётка ещё спала. Ночью ей приснился очередной дурной сон, в котором отец её бросил, и у Марселлет было тяжело на душе. Ей нужно было подышать морским воздухом, успокоиться, прийти в себя. Утром в том районе Марселя, что она выбрала для своих прогулок, обычно безлюдно. Народ предпочитает шумный порт и рынок. А тут, на пустынном каменистом пляже, укрытом со всех сторон зарослями, тихо и спокойно. Можно бродить, слушая шум волн и крики чаек. И подставлять щёки утреннему солнцу. Хоть тётка и говорила, что юным барышням не стоит загорать, и что смуглая кожа идет только простолюдинкам.

Оставив служанку и кучера, девушка спустилась к морю и увидела недалеко какой-то корабль. Ничего удивительного. Марсель – портовый город и корабли здесь – обычное дело. Девушка очень любила море и Марсель – город, в честь которого её нарекли. Кормилица когда-то рассказывала, что у неё сильное и яркое имя, и что существует несколько ва-

риантов его происхождения: от латинского – «молодой воин», и от французского «Маленькая Марселья». Быть воином её совершенно не прельщало. Поэтому она решила, что правильный именно второй вариант, и предпочла быть маленькой марсельянкой.

Марселлет редко называли полным именем. Чаще – Марселин, Марсела или Марсель. И она на самом деле с детства отличалась весьма упрямым нравом. Ей нравилось наблюдать за тем, как в её городе кипит жизнь, как красивы его здания и как веселы и добры люди. Она вдохновлялась этим. А ещё морем и кораблями. В то утро она любовалась покачивающимся на волнах гигантом, что бросил якорь неподалёку от гавани. Рассмотрев мощное судно, девушка стала, как обычно, гулять, время от времени подбирая камешки и раковины. Сын их кухарки Николя, которому всего шесть лет и у которого большие ножки, любит такие вещицы, поэтому она иногда дарит мальчику особенно красивые безделушки.

Когда Марселлет в очередной раз подняла с земли идеально гладкий и плоский камешек, решив бросить его в воду, чтобы он прыгал, как лягушка, то ощутила за своей спиной движение. Порывисто обернулась и в тот же момент сильная мужская рука грубо дёрнула её за волосы, а к лицу приложили резко пахнущую чем-то неприятным тряпицу. Всё естество Марселлет пронзил инстинктивный животный ужас. Это был не страх, а именно ужас. Сердце подскочило к горлу, дыхание спёрло. Вместо крика она смогла лишь бес-

помощно дёрнуться в попытке освободиться, издав сдавленный хрип. После чего рухнула в чёрную бездну.

Первым ощущением, что она испытала, придя в себя, было плавное покачивание. Её словно качали в колыбели, как ребёнка. Разум, выбравшись сквозь дремоту, попытался схватить из окружающего пространства что-то, что помогло бы всё понять. Где-то над её головой раздались гулкие шаги, скорее даже бег. И ещё мужские голоса. Много. Они были громкие, но слова звучали совершенно неразборчиво. Затем до неё донёсся взрыв смеха. Точнее гогот. Марселлет открыла глаза и поняла, что находится в крошечной темноте.

Сколько она пролежала без сознания – неизвестно. Но наверняка её уже хватились. Тётка весь Марсель на уши поднимет, если с племянницей что случится. Она женщина активная и со связями. До короля дойдёт, если нужно. Ну, по крайней мере, до губернатора уж точно. Отцу может уже отправила письмо. Но пока он его получит и примчится сюда, пройдет много времени... Если вообще приедет. А у Марселлет каждый час на счету. Нужно что-то придумать. Бежать отсюда. Иначе беда. Эти люди не просто так её сюда притащили. Скорее всего, надумали изнасиловать. Зачем ещё им может быть нужна молодая девушка? Эх, зря она не слушалась Беатрис и сбегала к морю. Закончилось всё в итоге плохо, как и предсказывала родственница.

Часы в темноте тянулись невозможно долго. Никто не приходил проверить, очнулась ли она вообще. Может, ду-

мали, когда очнётся, начнет вопить? Но Марселлет нарочно молчала и почти не шевелилась. Кто знает, что они с ней делают. Лучше подольше не привлекать к себе внимания.

Наконец, наверху, что-то скрипнуло, и в помещение проникла полоса света. Затем дверь снова закрылась. Марселлет зажмурилась, потому что яркий свет фонаря резанул по глазам. По звуку поняла, что кто-то, тяжело сопя и чертыхаясь, спускается по ступеням. Потом раздался звон посуды, которую прямо на подносе поставили неподалеку от лежанки девушки. Это подобие матраса всё пропахло сыростью, но Марселлет было не до того, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Она вся едва не тряслась от страха. Благо поутру она надела удобное закрытое платье из сатина, которое не требовало наличия нижней юбки, и накинула на плечи шаль, чтобы не зябнуть у моря под порывами ветра. Поэтому сейчас не мёрзла.

Благодаря свету от принесенного незнакомцем фонаря Марселлет смогла увидеть помещение, в котором находится. Это была комната без окон, вся уставленная ящиками и мешками. Никакой мебели не имелось. Только её матрас. Обеденным столом ей также служил ящик. Она это поняла, потому что мужчина поставил на него поднос, на котором принёс тарелку с какой-то похлёбкой, булку, воду и яблоко. Ну и еда! Хотя тот, кто её доставил, выглядел гораздо хуже. Перекошенный, взлохмаченный, он хромал и не имел одного глаза. Брать еду из рук подобного урода Марселлет не со-

биралась. А тот рассматривал сжавшуюся в углу пленницу с неподдельным интересом. Та стягивала на груди накидку в наивной надежде, что это в случае чего поможет ей защитить себя.

– Что, очухалась, девка? Хорошо. Пойду, доложу, – голос его звучал хрипло, так, словно каждое слово приносило ему дискомфорт и давалось с трудом.

Марселлет стало физически плохо от вновь накрывшей её волны паники. Даже если бы она попыталась поесть, ничего бы не вышло. В горле комом стояла тошнота. Голова болела, и шумело в ушах. Но примерно с час никто не появлялся. И пленница, немного успокоившись, всё-таки поняла, что голодна. Тщательно вытерла яблоко подолом платья и съела.

Когда дверь в очередной раз заскрипела, открываясь, Марселлет вжалась в стену в ожидании своей участи. Её снова охватил леденящий ужас. Интуиция подсказывала, что сейчас решится её судьба.

– Пойдём, – грубо бросил появившийся в помещении мужчина.

Это был уже не тот одноглазый. Теперь к ней явился бородатый детина со злыми маленькими глазами. Под его взглядом хотелось съежиться и исчезнуть. Глядел с презрением. Марселлет поняла, что лучше не упираться. Поэтому послушно последовала за ним. Но когда они поднялись наверх и вышли за двери, девушка вскрикнула. В лицо ударил солёный ветер и густой аромат моря. И ещё здесь качка ощу-

щалась сильнее. Она была на судне! Её держали на борту корабля в открытом море! Нигде не было видно хоть полоски суши! Побег отсюда для неё попросту невозможен!

На её крик обернулись все, кто был на палубе. Мужчины разных возрастов, все они были похожи на головорезов. И, скорее всего, ими и являлись. У Марселлет теперь не осталось сомнений в том, что её похитили пираты. Они все рассматривали её с жадным интересом, насмешкой или высокомерием. И среди них ни одной женщины. Значит, надеяться на помощь, поддержку и хоть толику сочувствия не приходилось. Девушку охватил ступор. Она не могла сделать ни шага под этими взглядами. Ощетинившись, будто загнанная собаками лисица, глядела с ужасом на своих похитителей и куталась в шаль, словно та могла её от чего-то защитить.

– Давай, топай, чего встала? – подтолкнул её бородач.

Марселлет пугливо ойкнула и вся сжалась в тугой комок.

– Двигайся, сказал! – скомандовал он.

Но девушка лишь судорожно всхлипнула, не шелохнувшись. Тогда он просто потянул её за собой. А она вне себя от страха, молила отпустить её на берег. Её куда-то вели, а у неё ноги подкашивались от растекающегося по всему телу липкого страха. Что с ней хотят сделать?

Дальше было знакомство с капитаном и бездна отчаяния, в которую Марселлет швырнула судьба в лице этого человека. Перед Эли Вольфсоном она теряла всякую способность соображать. Не то чтобы он вызывал у неё такой же паниче-

ский страх, как его подчинённые. Нет. Это было оцепенение не от ужаса, а от... смущения. Этот его взгляд будоражил и заставлял сердце колотиться в какой-то безумной пляске. Что за дела у её отца, благородного дворянина, могут быть с этим пиратом? У таких людей нет чести!

– Мой отец не станет вам ничего платить! – заявила она, прямо глядя в лицо своему похитителю. – Он просто убьёт вас!

Голос отчаявшейся девушки задрожал. В пересохшем горле стоял болезненный ком, тело била дрожь.

– Возможно, попытается, – вполне серьёзно произнёс капитан и потёр подбородок. – Он вполне способен.

– Хотите сказать, что отец легко решится на убийство? – опешила Марселлет от подобного оскорбления и противоречия самой себе. – Разве что на убийство такого бесчестного человека, как вы! Мой отец – благородный и порядочный. Он никому не причинил зла!

Девушка говорила с таким жаром, словно желала убедить в этом не столько своего оппонента, сколько саму себя.

– Вы в этом уверены? – с чуть заметной ноткой насмешки в голосе осведомился капитан.

– Да. Абсолютно.

– Хорошо, если так, – заметил Вольфсон.

Но было очевидно, что сам он придерживается совершенно противоположного мнения. Конечно, она тоже в это не верила. Но как же хотелось стереть ухмылку с самодоволь-

ной физиономии этого хлыща!

– А ваши люди вас не защитят. У половины из них нет рук, ног, глаз. Зачем вы вообще их держите?!

В ответ на эту её реплику он так искренне рассмеялся, что она застыла в ступоре. Какой приятный у него смех... С такой внешностью ему куда больше подошло бы вышагивать по залам пышного дворца, а не командовать шайкой увечных и грабить людей.

Он так хохотал над её словами, что она почувствовала себя дурочкой, сказавшей сущую глупость. И это её ещё больше смутило. Выставила себя перед ним наивным ребёнком, который несёт чушь. Хотя почему её вообще волнует, что он о ней подумает? Если Марселлет правильно поняла, она для него – товар, за который он планирует получить деньги. Вспомнив об этом, девушка снова почувствовала угнетённость и упадок сил.

– Можете смеяться сколько угодно, – промолвила она. – Повторяю – отец вам не заплатит ни су!

Мужчина перестал смеяться и сказал холодно:

– Что ж. Тем хуже для вас.

Прозвучало это зловеще и даже угрожающе. Марселлет попятилась назад. Накатила паника. Замучают её тут и просто выбросят за борт. Им ничего не стоит убить кого угодно. Её жалкие попытки защититься казались теперь совершенно нелепыми и бессмысленными. Господи, помоги вырваться из лап этих страшных людей и тогда она всегда будет слу-

шаться тётушку!

В следующий момент раздался какой-то ужасный звук. Будто кто-то визгливо вскрикнул. Марселлет лишь успела заметить, как её собеседник перевёл взгляд в сторону. В том углу, куда смотрел капитан, сидело существо, которое девушка заметила только теперь. С первого взгляда можно было подумать, что это просто чучело. Однако чудовище пошевелилось. Это стало последней каплей, переполнившей чашу ужаса Марселлет. Комната сначала закружилась перед глазами, а потом начала погружаться в темноту. Девушка не понимала, что стала оседать на пол и упала бы, если б Эли не ринулся к ней через всю каюту. Подхватил, успел. Поднял её и озадаченно поглядел на свою лишившуюся чувств пленницу. Головка её так доверчиво покоилась теперь на его плече, что он даже растерялся. От девушки пахло цветами и чем-то нежным, как от младенца. Молоком, что ли?

– Гильермо, ты её, кажется, напугал, – констатировал Эли. Он неловко топтался на месте, решая, что с ней теперь делать.

Глава II Переезд и новый гардероб

Ночью время текло в мучительном ожидании. Марселлет свернулась в комок, спиной упершись в стену, и замерла в такой позе. Не смела пошевелиться и дышала через раз. При любом шорохе или звуке извне всякий раз вздрагивала. Иногда плакала. Точнее слёзы сами собой катились по щекам и падали на сырой старый матрас. Рыдать было бессмысленно. Всё равно этим ничего не изменишь. Она жалела себя, вспоминая свою жизнь, детство. И понимая, что ничего хорошего в этой жизни не видела. Какой-то невезучей она была. Никогда не чувствовала себя любимой и нужной. А теперь ещё это... Только с ней могла приключиться подобная беда. Прокляли её что ли?

Дождавшись, когда появится одноглазый пират, что обычно приносит ей еду, Марселлет бросилась мимо него к двери. Предыдущий раз она сидела смирно и наблюдала, как он расставляет тарелки на ящике, служившем ей столом. И потому сейчас никто не ожидал от девушки подобный прыти. Но Марселлет твёрдо решила броситься в море. Уж лучше утонуть, чем позволить этим страшным пиратам надругаться над собой. А рано или поздно это случится – мадемуазель де Флорис была уверена. Подняв повыше юбки, чтобы не мешали, она взбежала по ступеням на палубу и ринулась к бли-

жайшему фальшборту. Пока мчалась что есть мочи по палубе, споткнулась обо что-то и сильно ушибла ногу. Но это её не остановило. Страх придавал сил и притуплял боль. Добежав, схватилась за ограждение, успела посмотреть вниз, где всё бурлило кипенно-белыми барашками. Но в следующий миг кто-то подхватил её сзади, и она беспомощно повисла в воздухе. Девушка что есть силы принялась вырываться, заколотила ногами, норовя побольнее задеть того, кто посмел так бесцеремонно к ней прикоснуться. Однако, к её ужасу, все усилия оказались тщетны, как если бы мышка пыталась вырваться из лап огромного кота. Её ловко перекинули через плечо, и вот она уже висит вниз головой, почти уткнувшись лицом в широкую мужскую спину. От её обидчика пахло как-то необычно и безумно приятно. Это был деликатный, бархатистый аромат восточных благовоний. В нос ей первыми ударили нотки тёплой, чувственной амбры с оттенком мускуса. Этот запах напомнил сладковатый аромат свежих морских водорослей, выброшенных на берег и нагретых солнцем. К нему примешивались нежный сандал и турецкая роза. Надо же, она всегда была уверена, что от этих мужланов может вонять только ромом и потом.

– Ну и куда вы так спешили? – услышала Марселлет низкий голос, который запомнила навсегда ещё в тот первый момент, когда оказалось на корабле. Её поймал сам капитан!

Реакцией на его слова была её очередная попытка вырваться. Пусть не думает, что она его боится! Но, похоже,

Марселлет так сильно лягалась, что больно задела его коленом. Потому что Вльфсон выругался громко и грязно. Девушке таких словечек не приходилось слышать. Она страшно смутилась и даже брыкаться перестала. А он перехватил её поудобнее, не обращая внимания на то, как она смешно барахтается, пытаясь удержаться на его плече и не соскользнуть. Должно быть, со стороны это выглядело очень нелепо.

– Хотели разбиться о волны? – продолжал Эли, уже взяв себя в руки. – Или чтоб вас рыбы сожрали? Как именно вы представляли себе свою смерть?

Он спрашивал вполне серьёзно, без насмешки. А сам нёс её назад, туда, где её всё это время держали. Марселлет ничего не отвечала, и больше не брыкалась, понимая, что это бессмысленно. Она казалась себе до того жалкой и глупой, что хотелось разрыдаться. Вот сейчас её снова запрут там, в темноте, и она позволит себе это сделать.

– Да, капитан, усмирите там эту бунтарку, – со смехом сказал какой-то пират, наблюдая за ними.

Марселлет вздрогнула. Что он имеет в виду? Неужели ОН способен на подобное?

– Заткнись, Маркэль! – оборвал того другой член экипажа, весьма полный и представительный.

Должно быть, кто-то из руководства команды, потому что тот, кого назвали Маркэлем, мигом послушался, втянул голову в плечи и куда-то умчался.

Как только Марселлет поставили на ноги, она шарахну-

лась от капитана, как от прокажённого. Судя по выражению его лица, он даже немного оскорбился из-за подобной её реакции.

— Благодарю, что не потащили меня в ваш кабинет, где вы держите то чудовище, — бросила Марселлет.

Хотя в её голосе на самом деле не чувствовалось ни толики благодарности.

— Приношу вам свои глубочайшие извинения за то, что посмел ранить ваше чувство прекрасного, и вынудил лицезреть подобных, как вы выразились, уродов и чудовищ. Но, тем не менее, вам придётся потерпеть, пока ваш батюшка сделает всё, что от него требуют. Ему пора понять — придётся платить по счетам.

Марселлет показалось, что в его голосе сквозила некая обида. Неужели она настолько задела его своими словами? Но ведь на самом деле все эти пираты — настоящие страшилища! А то существо, что она увидела в его кабинете, вообще не поддаётся описанию. Как можно терпеть рядом с собой подобное чучело?

— Гильермо — просто старый чёрный какаду. Он не урод. От старости у него выпадают перья. Раньше он был красивым.

Святые угодники! Так это попугай? Марселлет никогда не видела попугаев, тем более таких странных. Но её тронуло то, с каким жаром он защищает своего питомца. Стало быть, его задело, что птица ей не понравилась. И он любит живот-

ных. А значит, и к людям должен быть добр. Может, не обидит её? Хотя... разве стал бы пиратом благородный и великодушный человек?

– Когда вы сообщите моему отцу о том, что держите меня здесь? – строго спросила она.

– Ему уже отправлено послание, будьте спокойны. Как только он прибудет в Марсель, мне доложат об этом.

Его слова ничуть не успокоили Марселлет. Потому что она знала своего батюшку. Он не то что платить не станет, а, быть может, даже не поедет в Марсель по такой пустячной причине, как похищение дочери. Граф был весьма своеобразным человеком и Марселлет скорее терпел, чем испытывал к ней отцовскую привязанность. С появлением в их жизни мачехи девушка узнала, что отец может быть покладистым, добрым к кому-то, и что умеет ставить чужие интересы выше своих. Только вот к ней самой это отношения не имело. Она именно тогда особенно остро почувствовала собственную ненужность. Но её похитителю об этом знать точно не следовало. Да и, честно говоря, девушке было стыдно за то, что она живёт в семье своего родителя на птичьих правах и отцу совершенно безразлична.

На вторую ночь на корабле Марселлет сделалось по-настоящему плохо. Доселе она и так испытывала недомогание из-за страха, голода и постоянной качки. А к ночи всё это вылилось в страшную тошноту. Марселлет качало от слабости и бил озноб. Лицо девушки стала бледно-зелёным, и она

уже даже не пыталась бороться с рвотными позывами, от которых вздрагивало всё тело. Корабельный доктор, который, как выяснилось, тут имелся, и которого к ней прислали, выдал какие-то микстуры и посоветовал перевести «новую пассажирку», как он аккуратно выразился, в каюту наверху. Ибо в трюме, где, оказывается, она всё это время сидела, слишком жёсткие условия для существования. От холода и сырости, а также из-за отсутствия элементарных удобств, по его словам, Марселлет может серьёзно разболеться.

Девушку, не мешкая, перевели в каюту. И лекарства, принесённые доктором, помогли. Ей даже удалось поспать. А утром, обнаружив на полочке гребень, она наконец-то расчесала свои длинные тёмные волосы. Для умывания была приготовлена вода в кувшине, что тоже приятно удивило Марселлет. Ещё бы искупаться и сменить одежду... Но об этом она могла пока только мечтать.

Впервые за все эти дни она получила возможность рассмотреть себя в зеркале. Те несколько секунд в каюте капитана не в счёт. Тогда она была слишком напугана, чтобы что-то понимать. А сейчас обнаружила в гладкой поверхности висевшего на стене зеркала какую-то дикарку. Густая шевелюра растрепалась, кожа приобрела нездоровую бледность, а щёки стали ещё более впалыми. Да уж... Марселлет вынуждена была признать, что она далеко не красавица по сравнению с новой супругой её отца, розовощекой, пышнотелой блондинкой.

За день не произошло ничего интересного. Она хотела попроситься выйти на прогулку по палубе, но не решилась. Когда представляла, как на неё gazeют эти плебеи, становилось тошно. Нет, она не выдержит подобного испытания! Лучше уж сидеть в каюте и ждать.

Ночью Марселлет изо всех сил прислушивалась к тому, что происходит за пределами её каюты, но не слышала ничего, кроме шума ветра и плеска волн. Ветер шумел как-то уж слишком громко. Этот звук пробуждал в её душе тревогу. Она слышала, что на море бывают штормы и что из-за них корабли могут гибнуть. Не хотелось бы ничего подобного.

Утром ей принесли одежду. Какой-то матрос положил на стул стопку аккуратно сложенных вещей.

– Сказали, что вам надо переодеться.

– А.. Я не хочу, – неуверенно проговорила девушка.

Тот лишь пожал плечами и вышел. Марселлет принялась рассматривать то, что ей принесли. Рубашка, кюлоты, чулки, пояс, жилет. Все маленького размера, как на подростка. Должно подойти. Девушка, озираясь по сторонам так, словно кто-то мог её видеть, принялась стягивать с себя платье. А потом так же в спешке стала примерять мужскую одежду. Та оказалась практически чистой и даже без дырок. Вещи были ей слегка велики в талии, но ситуацию спас пояс, которым она затянула на себе штаны. Марселлет волновалась, не слишком ли сквозь тонкую ткань рубахи заметно очертания груди. Благо эту проблему помог решить жилет. Интересно,

кто подбирал для неё это тряпье? Быть может, капитан? У Марселлет мелькнула мысль, что сам он практически всегда одет очень просто – всего лишь в рубашку и кюлоты. А ведь это не очень прилично – появляться перед девушкой без жюстокора. Но она объяснила это себе тем, что на корабле могут быть другие порядки. Здесь на первом месте удобство, а потом уже соблюдение правил хорошего тона.

Марселлет тщательно расчесала волосы и собрала их в пучок на затылке. Через минуту тот же матрос заглянул в её каюту, и она от неожиданности буквально подпрыгнула, шарахнувшись в сторону. Юноша, заметив её неловкое движение, скривил губы в усмешке и швырнул на пол башмаки. При этом он окинул её заинтересованным взглядом.

– Почему вы не стучитесь? – строго спросила Марселлет.

А тот лишь хмыкнул и удалился. Обувь тоже был великовата, но это не доставляло особого дискомфорта. Зато теперь девушка чувствовала себя немного увереннее. В таком виде она не будет привлекать к себе излишнего внимания и сможет выходить гулять.

Одиночество и страх действовали ей на нервы. Ко всему этому примешивалась тоска по дому и по людям, что её окружали. Хотелось хоть с кем-нибудь поговорить. Здесь, на этом судне, она чувствовала себя совершенно оторванной от остального мира, словно больше ничего кроме корабля и его команды не существовало. За несколько дней, проведённых на борту, Марселлет поняла, что судно, носившее название

«Северайн», сначала куда-то плыло, а теперь просто стоит на месте. Интересно, где они находятся? На каком расстоянии от земли? В какой стороне Франция?

От скуки девушка почти всё время смотрела в окно, но из её каюты ничего не было видно кроме крошечного участка палубы.

Когда ей в очередной раз принесли еду, она попросила у одноглазого какие-нибудь книги. Он поглядел на неё своим единственным глазом непонимающе и не слишком любезно переспросил:

– Чего?

– Книги. Я хочу почитать.

– Ладно. Спрошу у капитана.

– А почему вы никуда не плывете? Не нападаете на другие корабли и никого не грабите?

Пират поглядел на неё так, будто его очень удивила её способность произносить столь длинные фразы. А потом его лицо перекосило гнусная усмешка. Марселлет ждала ответа, но вместо него услышала только противный хриплый смех. Пират так и не сказал ничего. Уходя, он всё ещё смеялся. Да и потом, когда дверь за ним закрылась, она слышала взрывы его хохота. Наверное, теперь расскажет своим товарищам о том, какие глупые вопросы она ему задавала.

После этого издевательства выходить из каюты и идти гулять совершенно расхотелось. Марселлет забралась на свою постель и затаилась. Пусть смеются, ей наплевать.

Каково же было её удивление, когда вечером незнакомый молодой матрос принёс ей несколько книг! Сказал, что это от капитана. Теперь ей будет, чем себя занять в течение долгих тоскливых часов на этом судне.

Глава III «Подлец» и «гордячка»

Понимая, что никуда ей с корабля не деться, Марселлет решила всё-таки налаживать хорошие отношения с капитаном. По крайней мере, не оскорблять его, не грубить и вести себя покладисто. Пока над ней не надругались, ещё есть шанс уйти отсюда невредимой. Она утешала себя тем, что ей просто нужно как-то задобрить Вольфсона, усыпить его бдительность. Должны же пираты хоть иногда спускаться на берег? Пополнить запасы провизии, например. Вот тогда она и улизнёт. Главное продержаться до этого момента. Но Марселлет не продержалась. В следующую же встречу с командиром головорезов она ему снова нахамила. Вышло это не столько по причине чрезвычайной дерзости, сколько от страха.

Услышав его голос где-то поблизости, Марселлет рискнула и показала на палубе. У неё не было никакой возможности высказать свои требования, на которые она, по её собственному убеждению, имела полное право. Поэтому, как только обнаружила капитана поблизости, тут же решилась на вылазку.

– Сударь! – позвала девушка.

Вольфсон повернулся с таким видом, словно совсем не ждал её появления тут. Вскинул брови, поглядел с удивле-

нием. На нём был бархатный жюстокор, из рукавов которого виднелись кружева рубашки, а из выреза на груди – пышное жабо. Голову капитана украшала треуголка с плюмажем из белых перьев.

– Не кричите так, – предупредил он. – Пойдёмте в каюту. А то всполошите всю команду. И они решат, что вы собираетесь меня укокошить.

Марселлет, возмущённо фыркнув, всё же вынуждена была подчиниться. Только шла так быстро и решительно, что зацепилась каблуком за ступеньку. Он поспешил её удержать от падения. Но она лишь гордо вскинула голову, даже спасибо не сказав. Сделала вид, что не заметила его помощи.

– Так чего вы хотели? – спросил капитан, когда они остались наедине.

Он привалился бедром к краю стола, скрестил на груди руки и приготовился её слушать.

– Во-первых, – начала Марселлет. – Я хотела вас поблагодарить за переданные мне книги. Я, признаться, никак не ожидала, что у такого человека, как вы... гм... могут оказаться произведения Бомарше и Вольтера.

– А что со мной не так? Не похоже, что я умею читать? – уточнил Вольфсон.

Марселлет смутилась. Она хотела начать разговор с чего-то положительного. Отметить то, что он дал ей книги, казалось девушке вполне подходящим поводом для разговора. Но он всё портил, насмехаясь над ней и этим приводя в рас-

терянность.

– Я не это имела в виду... Просто в таких условиях, на корабле... Не думала, что здесь вообще имеется хоть какая-то библиотека. А тем более столь уважаемые мастера слова.

– Благодарю за то, что отметили мой тонкий вкус. Маркиза де Сада я вам предлагать не рискнул. Вы бы всё равно не поняли, о чём там. Хотя... очень модный нынче автор!

Марселлет почувствовала, что краснеет. Она однажды нашла у тётушки одно издание де Сада, но прочла всего пару абзацев. После чего в ужасе убежала к себе в комнату и долго не могла прийти в себя, впечатлённая прочитанным. Эли заметил её реакцию и слегка усмехнулся.

– Мне нужна служанка, – заявила девушка, меняя тему. Вольфсон развёл руками.

– Увы, ничем не могу помочь. Я сему делу не обучен.

Марселлет топнула ножкой, почти до слёз раздражённая его издёвками. Он, кажется, ни одного слова её всерьёз не воспринимает. А для неё отсутствие служанки – сплошная каждодневная мука.

– Перестаньте! – воскликнула девушка. – Я ведь серьёзно! Мне нужна помощница!

– Слушайте, вы едва успели появиться здесь, как сразу же принялись испытывать моё терпение, – уже серьёзно произнёс Вольфсон. – Я и так вам многое позволяю. Думаете, мне легко было заставить своих людей держать себя в руках? Они не привыкли к женщинам на корабле. А вы предлагаете за-

вести ещё одну. Будто мне мало проблем.

– Вы так выразились – завести ещё одну. Словно о кошке говорите, – оскорбилась Марселлет. – И я не просила вас меня похищать. Надо же, проблемы я вам создала... Да как у вас совести хватает такое говорить!

– Прекратите кипятиться. Я сказал – нет. Довольно рассуждений.

Девушка совершенно забыла о своём решении держаться с ним вежливо и покладисто.

– Вы жалки! Да-да, жалки! Вы и вся ваша команда. И не смотрите на меня так! – Марселлет задыхалась от негодования

– Как?

– С насмешкой! Как будто я несу чушь. Вы же прекрасно понимаете, что я права! Вы – кучка неудачников. Воруете людей, чужие деньги, чужое добро. Потому что завидуете богатым! Вам никогда такими не стать. Всё что вы можете – это отнять чужое!

Марселлет так распалилась от гнева, что потеряла всякую осторожность и страх перед ним.

– А знаешь что? – спросил вдруг капитан.

Он сделал пару шагов и теперь глядел на неё не просто с насмешкой, а скорее с ехидством.

– Смотри, чтобы не вышло так, что ты влюбишься в этого неудачника и вора настолько, чтоб жить без него не сможешь. А потом я отдам тебя твоему папаше. И посмотрим,

сколько ты протерпишься. Сама меня искать начнёшь и будешь мечтать вернуться. Прибежишь, как миленькая. Ещё умолять станешь, чтоб я тебя назад принял.

Марселлет от такой наглости даже дар речи потеряла. Он что имел в виду себя, когда говорил о неудачнике и воре? Он серьёзно допускает, что она может в него влюбиться? Какая несусветная чушь!

– Влюблюсь? В вас? – переспросила она, и брезгливо сморщила носик.

– Да, в меня, – повторил он так уверенно, будто это было обычным делом и неминуемо ждало всех женщин, когда-либо встречавших его на своём пути.

– Ни за что! Вы... Вы... – она не могла придумать, как его посильнее уязвить. – Вы не красивый!

Она даже задохнулась от собственной дерзости. А он, кажется, готов был услышать что угодно, только не это. Поднял брови и поглядел озадаченно. Затем, словно для того, чтобы удостовериться в правдивости её слов, невольно бросил взгляд в зеркало, висевшее на стене. По правде сказать, аргумент она подобрала действительно совсем уж детский. Да и не правда это. Он, конечно, не идеален, но довольно хорош собой.

– Да и ты на любителя, – вдруг заявил Эли небрежным тоном. И пожал плечами. – Тощая, как курёнок.

Она явственно ощутила его взгляд на своей груди. Должно быть, пытался разглядеть, есть ли там то, что должно быть

у женщины. Марселлет захотелось прикрыться, хоть она и была одета. Каков мерзавец! Как он смеет её так нагло рассматривать?! От обиды девушке захотелось расплакаться. Её никто никогда не оскорблял подобным образом! Тем более мужчина. Это было для неё ужасным унижением. А ещё её почему-то бросило в жар и стало невыносимо стыдно, будто она уже влюбилась в него и он об этом знает. Она развернулась и побежала прочь. Закрылась в своей каюте, а потом взяла и вышвырнула за дверь его книги. Пусть сколько угодно насмехается над ней. Никогда в жизни она его не полюбит! Лучше умереть! Подлец и интриган! Как он там сказал? Прибежит как миленькая? Назад проситься будет? Не бывать подобному!

Марселлет была расстроена этой перепалкой настолько, что всё-таки расплакалась. Мысленно посылала на голову своего мучителя все мыслимые и немыслимые проклятия. Отвернувшись к стене, она даже не посмотрела на того, кто принес ей ужин. И так и уснула голодная, злая, вся пылая гневом.

«Гордячка и дура!» – думал тем временем Эли. Никогда бы не подумал, что слова этой пигалицы могут так его задеть! И некрасивый он, и вор, и неудачник. Надо же! Со всех сторон плох, как не поверни!

Он понимал, что с самого начала дал слабинку, переведя её в каюту и выдав книги. Нельзя было ей потакать, идти у неё на поводу. А теперь она пытается расширить свои возмож-

ности, прощупывает допустимые границы. Вначале он иначе представлял себе, как всё будет. Ему ещё не приходилось похищать людей, но Эли был уверен, что без труда с этим справится. Однако когда затевал это всё, даже представить не мог, что месть настолько растревожит ему душу. Его помощник уже не просто намекал, а прямым текстом говорил – команда недовольна и ропщет. Не хватало ему ещё бунтовщиков усмирять! Но и довести дело до конца было необходимо. Он столько к этому готовился!

Глава IV Побег

Страх постепенно притупился, а вместе с ним угасла осторожность. Если долго бояться, то со временем к страху привыкаешь и перестаешь его испытывать. Марселлет надоело чувствовать себя мышкой в мышеловке – сидеть и ждать своей участи. «Северайн» резво несла её по волнам навстречу неизвестности. Она перестала опасаться пиратов и теперь украдкой наблюдала за ними. Особенно за их капитаном. В который раз мадемуазель де Флорис поймала себя на мысли, что удивляется, сколь благородно может выглядеть пират. Словно он не разбойник, а дворянин и морской офицер. Высокое происхождения выдавала и его манера держаться. Молодой, широкоплечий брюнет – ну чем не предмет девичьих грёз? А пылкому юному сердцу матушкой-природой велено влюбляться. Только вот сам Вольфсон, похоже, совершенно не думал о своей тайной воздыхательнице и не обращал на неё внимания. Марселлет горячо уверяла себя, что несколько не влюблена и даже скорее ненавидит зазнайку-капитана, а потом забывала об этом и снова мечтательно вздыхала, стояло ему показаться в её поле зрения.

Существование мадемуазель де Флорис на пиратском корабле с каждым днём делалось всё тоскливее. Поначалу она ещё надеялась, что её скоро отпустят, что это какая-то ошиб-

ка. Никто в здравом уме не верит, что его могут среди бела дня похитить. Но дни тянулись за днями, а её положение не менялось. Каждый член команды был при деле. Она же от безделья сходила с ума. С тех пор как вышвырнула книги, новых ей не давали. И общаться ей здесь было не с кем. Сама по себе такая жизнь уже являлась пыткой.

Однажды утром Марселлет собрала в кулак всю свою смелость и, наконец, вышла на палубу. Вопреки её ожиданиям, на неё никто не обратил внимания. Все были чем-то заняты. Даже Эли был тут. Он разговаривал с тем низкорослым толстяком, которого мадемуазель де Флорис про себя окрестила боцманом. Слышала, что на кораблях бывает такая должность.

Эли наверняка заметил её появление. Но вида не подал. Она тоже изо всех сил демонстрировала, что ей до него нет дела. На палубе оказалось так приятно! День выдался погожий, солнышко приветливо грело, море было тихим. Марселлет впервые за все эти дни почувствовала свободу. И поняла, как она скучала по солнцу, ветру, свежему воздуху. Если ей можно передвигаться по палубе – это просто чудесно! Она теперь будет гулять здесь каждый день. Правда, её немного разочаровало, что корабль оказался не настолько большим, каким она его представляла. И людей на нем было не мало. Наверное, не меньше ста человек.

Пленница пиратов вдоволь налюбовалась морем и наслушалась криков чаек. Жмурясь на солнце, она с ленивым лю-

бопытством наблюдала, как суетятся матросы, снуя по палубе. Теперь такие прогулки стали одним из её самых любимых развлечений на корабле. Точнее, практически единственным. Подготовка к выходу стала настоящим ритуалом. Марселлет старалась привести себя в порядок при помощи подручных средств. Заплетала волосы в косы или делала другие причёски, которые умела. Правда, умения её в этом плане были весьма скудны. Раньше её волосами занималась служанка. Иногда за весь день девушке ни разу не доводилось увидеть капитана. А бывало, что и несколько дней подряд она ничего не слышала о нём. Такие периоды казались ей совершенно тоскливыми. Эли был единственным, кто хоть иногда обращал на неё внимание и разговаривал с ней. Для других её словно не существовало. Правда, Марселлет и сама не хотела бы, чтобы кто-нибудь из этих людей докучал ей, навязывая общение. Лучше уж одиноко сидеть на палубе и смотреть на море.

В одну из ночей Марселлет проснулась от какого-то страшного грохота. Приподнялась и посмотрела в своё маленькое окошко. Похоже, снаружи свирепствовала самая настоящая буря! Гудел ветер, шумел дождь, а через полсекунды после её пробуждения вспыхнула молния и, кажется, прямо над головой раздался оглушительный треск. Марселлет ужасно испугалась. Сердце в тревоге колотилось, как бешеное. Молнии сверкали примерно раз в минуту, гром гремел то глухо, рокошуще, то совсем рядом – резко, как удар.

На самом деле, имея она больший опыт плавания в открытом море, то заметила бы, что погода начала портиться ещё с утра. Моряки обращают внимание на малейшие перемены в направлении ветра или окрасе неба. Поэтому к буре начинают готовиться заранее. Но в отличие от бывалых морских волков, девушка ничего необычного в тот день не видела. Для неё всё выглядело так, будто шторм налетел внезапно. Разбушевавшаяся стихия, похожая на конец света, небо, на котором с адской быстрой сменяли друг друга красный, фиолетовый и чёрный оттенки, оглушающий гул ветра и моря, атмосфера угрозы и ужаса... Марселлет видела, что по палубе бегают люди, во вспышках молний их силуэты можно было рассмотреть почти чётко. Пленнице сделалось жутко. Она здесь совсем одна и никто не придёт узнать, каково ей. А ей было до смерти страшно. Казалось, что само небо за что-то разгневалось на человечество и мечет молнии во всех подряд, не разбирая. Ужас гнал её к людям, поэтому вопреки всякой логике девушка вышла из каюты и поднялась на палубу. Первым, кого она увидела, был Эли. В насквозь промокшей рубашке, с прилипшими ко лбу и щекам чёрными прядями, не обращая внимания на хлеставшие по лицу потоки воды, он громко раздавал команды.

– Полоборта право! – перекрывая шум стихии, звучал привычный голос капитана.

– Есть полборта право! – эхом доносилось откуда-то.

Пираты понимали его с полуслова. Они тянули канаты,

поворачивая паруса, что-то крутили, чем-то стучали. Когда капитан вдруг стащил с себя рубаху и голый по пояс полез вверх по канату, Марселлет перестала дышать. Она впервые видела полуобнажённого мужчину. И то, какие у него необъятные плечи, как бугрятся мышцы на руках и спине, её поразило. Ветром его стало мотать в стороны, но он всё же дотянулся до вант, и стал цепко взбираться по ним. Обычно так делают, чтобы поставить паруса. Неужели сам капитан делает это вместо простых матросов? Марселлет ахнула, когда он почти полетел вниз. Испугалась, что разобьётся. А он просто прыгнул. Упруго и чётко стал на ноги. Марселлет подумала про себя, что в трудные и опасные моменты он находится вместе со своей командой и работает не меньше других моряков. Это делало ему честь. Вольфсон действовал совершенно спокойно и уверенно. Ничего не боялся – ни грозы, ни шторма. Его невозмутимость невольно приводила её в восторг, а звериная грация притягивала взгляд и заставляла любоваться им. Мадемуазель де Флорис как раз поймала себя на этой мысли, как вдруг кто-то толкнул её.

– Эй, ты чего вышла? Тут опасно. Иди в каюту!

– Я боюсь!

Но матрос потянул её к лестнице.

– Зайди внутрь и не высовывайся. Приказ капитана!

Он что, выходит, заметил её? Увидел среди всего этого ада? И даже позаботился, нашёл секунду, чтобы приказать увести её в безопасное место. Марселлет улыбнулась краеш-

ком губ, но тут же одёрнула себя. Что это на неё нашло? Дурацкие мысли в голову лезут. Теперь она лежала, таращилась в темноту и слушала, что происходит снаружи.

Незаметно для себя девушка заснула. А утром словно ничего и не было. На корабле царило прежнее спокойствие, и ни следа вчерашней бури она не обнаружила. Создалось впечатление, что для команды это обычное дело, и они к таким ужасам привыкли.

Поскольку Марселлет долго валялась в постели – казалось вчерашнее перевозбуждение из-за грозы – то она не сразу обнаружила, что «Северайн» пристала к берегу. Поднявшись на палубу лишь к полудню, девушка увидела почти пустой корабль. Все куда-то исчезли, словно по мановению руки. Хотя нет, увы, не все. Одноглазый и тот страшный бородатый детина были тут. Наверное, их оставили сторожить её. И вахтенные матросы маячили поблизости. Но куда подевались остальные? Когда она спросила об этом у бородатого, тот лишь выругался и сплюнул. То ли не хотел с ней разговаривать, то ли таким образом выразил свою досаду от того, что самого его с собой не взяли. Марселлет ничуть не смутило ругательство. Она уже привыкла и не обращала внимания на манеру общения пиратов.

Вспомнив о своём намерении сбежать, как только корабль пристанет к берегу, Марселлет прикинула в уме, сможет ли она добраться до суши вплавь. Можно попробовать, но она опасалась, что бородатый или одноглазый прыгнут следом и

поймают её. Нужно дождаться, чтобы они отвлеклись. А те, как назло, не покидали палубу и не выпускали её из виду. Хоть Марселлет и старалась изо всех сил делать вид, что просто любит открывшимися видами, её сторожа не теряли бдительности. Когда так прошёл целый час, девушка начала волноваться. Что если остальные скоро вернутся? Кто знает, надолго ли они ушли? Внезапно Марселлет осенила мысль, что, наверное, и самого капитана нет на борту. Интересно, куда же могла подеваться почти вся команда? Девушка слышала про публичные дома и таверны, в которых развлекаются моряки, когда оказываются на суше. Тётушка отчаянно пугала её такими местами и строго наказывала к ним не приближаться. Но если команда отправилась в какое-нибудь из подробных заведений, то ведь и капитан мог пойти с ними! Марселлет нахмурилась, пристально глядя на берег, словно могла разглядеть где-то там пиратов и узнать, чем они заняты. А потом тряхнула головой и мысленно отчитала себя за этот странный интерес к тому, чем там занимается Вольфсон со своими головорезами. Пусть делают что хотят! А ей самое время отсюда убираться. Мадемуазель де Флорис овладела целеустремлённой решимостью. Сегодня она сбежит!

Девушка окинула взглядом палубу и обнаружила, что видимая ей часть корабля абсолютно пуста. Куда подевался не спускавший с неё глаз бородатый – загадка. Может, решил, что если она за столько времени не сделала попыток убежать, то больше и не дёрнется. Одноглазый чистил рыбу и

совершенно на неё не смотрел. Да и находился довольно далеко, поэтому вполне мог бы не заметить её пропажи. Марселлет решила. Она уже подтянулась и перекинула ногу через борт корабля, с лёгким трепетом представляя, как сейчас прыгнет в воду. Плавать она умела, поэтому море её не страшило. Куда больше пугали дальнейшие туманные перспективы. Что она будет делать? Куда подастся в полностью мокрой одежде? День давно перевалил за половину, а значит, скоро вечер и заметно похолодает. Быть может, где-то поблизости есть жильё, и кто-нибудь приютит её на ночь. Правда, ей нечем отблагодарить за ночлег. Разве что отдать свои украшения... Но можно пообещать, что за неё заплатит тётка. Или отец. Наверняка он будет рад, что она спаслась сама и тем самым сэкономила его деньги.

Занятая своими мыслями и полностью сосредоточенная на побеге, Марселлет почти перелезла за борт, когда ей стало страшно. Ведь если руки разожмутся, она полетит вниз! Девушка боялась смотреть на воду, только теперь сообразив, что если волны затянут её под корабль, то это верная гибель. Накрыла паника. Марселлет уже хотела лезть назад, но поняла, что ей не обо что опереться ногами и оттолкнуться. Теперь она просто висела на руках над водой, пытаясь нащупать ступнёй какой-нибудь выступ, и ничего не находя.

От страха казалось, что руки с каждой секундой слабеют, а тело становится тяжелее. Ей придётся прыгнуть, а там будь что будет. Почувствовав, как с ноги соскользнул башмак, де-

вушка ещё острее ощутила опасность своего положения.

– Помогите! – скорее выдохнула, чем крикнула она, совершенно передумав куда-либо бежать.

Но на корабле ничего не поменялось. Вопреки её ожиданиям, никто не бросился спасать беглянку. Тогда она завопила что есть мочи:

– Помогите! Спасите меня!!! Пожалуйста!

Пальцы уже готовы были разжаться, когда до её слуха донесся быстрый топот, будто кто-то бежал. А потом она увидела склонившегося через фальшборт Эли. Глаза его стали страшными и он железной хваткой впился в её предплечья. Рывком капитан поднял её и поставил на палубу. Сердце Марселлет чудом не разрывало грудную клетку. Руки болели от напряжения, в котором она провела последние несколько минут. А в тех местах, где её схватил капитан, у неё наверняка появятся ужасные синяки. Эли выглядел устрашающе. Пряди волос упали на лицо, рубашка расстегнута до середины груди, лицо чуть помятое, искажённое яростью. Должно быть, он всё это время спал и только вышел на палубу.

– Вы что совсем спятили? – прорычал Вольфсон. – Идиотка!

Он и сам сейчас был не в себе. Она даже не обиделась за то, что обозвал идиоткой. Видела, что не на шутку испугался. То ли за неё, то ли за свои деньги, которые чуть не выскользнули из рук. У него, кажется, даже кадык дёрнулся. Или ей показалось. Ох как ему нужны деньги её папочки!

После неудавшейся попытки побега Марселлет поняла, что никуда ей отсюда не деться. Не настолько она бесстрашна, чтобы броситься в море и добраться до берега вплавь. Или, быть может, не так безрассудна. Всё же робкая надежда на то, что отец её рано или поздно заберёт отсюда, ещё теплилась у неё в душе. А останется ли она жива и невредима после попытки сбежать – большой вопрос.

Теперь девушку стерегли гораздо тщательнее. Она точно не знала, но догадывалась, что одноглазый и бородатый за свою невнимательность понесут наказание. Наверное, их лишат жалования, или что-нибудь в этом роде, – подумала Марселлет с затаённым злорадством.

И хоть сбежать её не удалось, к собственному удивлению она не особо расстроилась. Отчего-то наоборот стало весело и хорошо на душе. Только признаваться в причине этой радости она самой себе отчаянно не желала. Потому что заключалась она в мысли о том, что Вольфсон никуда не ушёл, он был на корабле и спал, в то время как его команда где-то развлекалась!

Однако вскоре девушка обнаружила, что радость её была преждевременной. Уже смеркалось, когда к кораблю подплыла шлюпка и на борт поднялась какая-то дама в сопровождении служанки и пары пиратов, должно быть, выступавших в качестве охранников. Марселлет затаившейся на лестнице, было видно, что гостья очень хороша собой и дорого одета. На вид ей можно было дать лет тридцать. Затянутая в

шелка и кружева, блондинка имела весьма пышные формы, что лишь подчёркивало декольте её платья. Остренький подбородок, ямочки на щеках, чуть вздёрнутый носик и пухлые губки... И конечно большие светлые глаза. Цвет их девушка рассмотреть не могла, но догадывалась, что они голубые или зелёные. Одним словом – кукла!

Откуда-то появился Вальфсон, облачённый в чёрный бархатный костюм. На широком поясе капитана девушка успела заметить саблю. А на ногах его были шёлковые чулки с вышивкой и аккуратные туфли прямоугольной формы. Эли с радушным видом пошёл навстречу незнакомке, снял перед ней шляпу, и, взяв её изящные ручки, поочерёдно поцеловал обе. Марселлет закусил губу. Внутри что-то неприятно кольнуло. Она впервые видела капитана таким нарядным. Даже волосы завил, щёголь! Взгляд от кулона на пышной груди своей гостьи буквально оторвать не может!

Почти бесшумно девушка шмыгнула в свою каюту, успев исчезнуть перед самым их появлением.

– Ирэн, я безумно рад вас видеть! – донеслось до неё, когда сладкая парочка проходила мимо её двери.

Мадемуазель де Флорис припала к ней ухом, а потом чуть приоткрыла. И её тут же обдало лёгким цветочным ароматом. Следовало признать – у незнакомки чудесные духи.

– О, Эли, а как я рада нашей встрече! Вы себе не представляете! – отозвалась волоокая красавица.

Голос у неё оказался мелодичный, густой и тягучий, как

сладкий крем. Из-за приоткрытой двери Марселлет увидела, как они остановились, и блондинка коснулась щеки капитана пальчиками. Он чуть склонился к ней, кажется, намереваясь поцеловать. Но вдруг повернулся и посмотрел в сторону каюты своей пленницы.

– Кто там? – по лицу блондинки скользнула лёгкая тень беспокойства.

– Одно неугомонное дитя, – пробормотал Эли. – Не берите в голову.

– У вас на борту есть ребёнок? – удивилась гостя.

– Можно сказать и так.

– О, милый, вы не перестаёте удивлять!

Марселлет поняла, что её заметили, и в панике закрыла дверь. Ну теперь уж он точно знает, что она наблюдала за ним и его пассивностью! Сердце отчаянно колотилось, щёки пылали. Марселлет все губы себе изгрызла от волнения. Бесчестный человек! Как он смел притащить сюда любовницу?! Эта Ирэн только и делала, что стреляла шальным взором из-под ресниц в сторону Вольфсона! Эли обольстительно улыбался незнакомке, и она отвечала ему тем же. Каким очаровательным он может быть! С самой Марселлет капитан никогда не был таким. С ней он общался снисходительно, как будто она на самом деле ещё ребёнок. От мысли об этом стало особенно горько. Задетая девичья гордость больно кольнула в сердце. Марселлет ужасно хотелось как-то сбить спесь с этого бонвивана.

Глава V Суровый отец

Он, по обыкновению своему одетый лишь в шёлковую рубаху и бриджи из тафты, сидел в кресле, вальяжно закинув ноги в потёртых сапогах с отворотами на бархатный пуфик. Рядом на столе лежала небрежно брошенная фетровая треуголка. Под его взглядом Марселлет ещё больше разнервничалась.

– Зачем вы пожаловали? – поинтересовался Эли, отставив бокал в сторону.

– Спросить.

– О чём?

Девушка нервно теребила край пояса, то комкая его, то распрямляя. Когда он буравил её своими почти чёрными глазами, у неё слова застревали в горле, и ей чудилось, что она вот-вот задохнётся.

– Если отец вам не заплатит... Вы меня убьёте?

Он вскинул одну бровь.

– Почему ты так решила?

– Это логично. Я вам буду не нужна.

Она упорно избегала встречаться с ним взглядом.

– Стало быть, ты такие выводы обо мне сделала? Что мне убить ничего не стоит?

– Вам – не знаю. А вашим людям – да. Вы же не сами

убивать будете.

– Хм, – он нахмурился, задумчиво глядя на неё.

– У меня при себе есть драгоценности. Не... не много. Но... они дорогие! Вот кольцо, браслет... Я могу отдать вам всё, – торопливо говорила девушка, запинаясь и путаясь.

Она-то знала, что ей никто не поможет. И для неё было важно выяснить, какая участь ей уготована. Вряд ли пираты просто отпустят Марселлет восвояси, если не получат от её отца желаемой платы.

– Я, признаться, не думал о том, что предпринять, если вдруг мой план не удастся. Полагаете, что ваш батюшка откажется вас вызволить? – спросил Вольфсон, игнорируя её попытку откупиться украшениями.

Марселлет потупилась, не зная, что ответить. Видя, что она молчит, капитан пожал плечами.

– Будем надеяться, что вы всё же не безразличны своей семье. Вы же так уверяли меня, что ваш отец – воплощение благородства и чести.

– Да! Не то, что вы! – выпалила Марселлет.

Отец никогда не заботится о ней и не любил. Это отношение разительно контрастировало с тем, как он трясся над своей новой женой, беспомощной изнеженной клушей. Марселлет раньше в помощи не нуждалась. До этого момента.

– Куда уж мне, – спокойно согласился Эли.

– И он никогда бы не стал связываться со всякими... про-фурсетками!

Сказала и запнулась. Зачем вообще она об том упомянула? Будто само вылетело.

– Что вы имеете в виду? – Вольфсон непонимающе нахмурился.

А потом его лицо разгладилось от озарившей капитана догадки. И он многозначительно усмехнулся.

– Я слышал, что как раз на одной из таких, как вы выразились, профурсеток, он недавно женился.

– Да как вы смеете! – воскликнула уязвлённая Марселлет. – Это только вы можете путаться с подобными женщинами! Я видела!

– Ну что поделать. Я же мужчина. Это необходимо мне как воздух, – развёл руками Эли.

– Вы не мужчина! Настоящие мужчины... они не такие! Они... благородные.. и... и вообще... , – Марселлет пыталась вложить в свои слова как можно больше презрения, но от волнения не находила нужных эпитетов.

– Откуда вам знать? – усмехнулся он, перебивая. – У вас же мужчин никогда не было.

Когда до неё дошел смысл его слов, она запнулась. Очередные острые слова застряли в горле. Марселлет бурно задышала и покраснела. У неё впервые не нашлось сил, чтобы сдержать при нем слёзы. Капитан увидел, как они заблестели у девушки на ресницах. А затем она повернулась и бросилась вон, натываясь по пути на двери, какие-то бочки и людей, спотыкаясь о канаты и прочий корабельный инвентарь. Эли

смотрел ей вслед, поджав губы. Понял, что перегнул и сказал то, чего говорить не следовало. Совершенно недостойно себя повёл. Выглядело, словно он упрекнул её в каком-то недостатке, посмеялся над изъязном. Самому от себя стало тошно. Но за ней не пошёл. Весь день ходил смурной. Работал в кубрике над картами, а мыслями постоянно к ней возвращался. Хоть бы мельком её увидеть, убедиться, что она уже не плачет и не обижается. А она как назло из своей каюты нос не показывала. Спросил у матроса, что ей еду носил, как там девушка. Тот лишь плечами повёл.

– Вроде спит, ваше сиятельство. Обед вот не тронутый забрал.

Эли прошёл к её двери, остановился, прислушался. Тишина. Может и правда спит? Положил ладонь на ручку, хотел открыть. Но что-то его удержало. Передумал. Так и ушёл, не решившись попросить прощения. А Марселлет не спала. Лежала, глотая слёзы и чувствуя, как сосёт под ложечкой от голода. Но она принципиально не станет есть. Заморит себя голодом. Потому что никому она в этой жизни не нужна, и нет у неё никакого будущего.

Ещё недавно она и подумать не могла, что в ней таится столько упрямства, решимости и безрассудства. Всю жизнь считала себя робкой, никогда не могла постоять за себя, потому в детских играх особо не участвовала. Да и какие игры, если растили её как комнатный цветок – взаперти. Только и общалась что с педагогами, прислугой и роднёй. Лишь когда

к тётке её стали отсылать, получила хоть небольшую свободу – возможность выходить в город и гулять у моря. Да и то конечно в сопровождении слуг. Её обычно ждала карета с кучером и служанкой. В этот раз недоглядели за ней... И после пропажи, кажется, её никто не хватился. Или искали, только ей ничего о том неизвестно?

На самом деле Марселлет даже представить себе не могла, в какую панику впала её деятельная тётушка. Если бы не появившийся вскорости граф, она бы на самом деле дошла до губернатора.

Граф де Флорис долго колебался, прежде чем принят решение. О том, что дочь пропала, ему сообщили настолько быстро, насколько это вообще возможно. Уже в Марселе он узнал, что в то утро в море видели пиратский корабль «Северайн». Неужели его капитан замешан в похищении? Поговаривают, что он – внебрачный сын какого-то очень высокопоставленного и влиятельного человека. Отсюда и прозвище «сын волка». До сих пор все проделки наглеца оставались безнаказанными. Но если он похитил девушку, то что стоит за этим? Желание получить кругленькую сумму в качестве выкупа? А может... это и есть месть призрака?

Когда граф получил послание от самого Эли Вольфсона, всё быстро встало на свои места. Судя по содержанию письма, этот человек чего-то хотел непосредственно от него, Флориса. Чего, если не золота? Наверняка потребует немалые деньги за Марселлет. Эта мысль до такой степени возму-

тила Флориса, что он, не раздумывая, согласился встретиться прямо на борту корабля. Внутри клокотала ярость. Как же ему хотелось высказать своё возмущение этому авантюристу прямо в его наглую физиономию!

В день приезда графа Вольфсон приказал привести пленницу в его кабинет. Та была ни жива, ни мертва от волнения. Сейчас она увидит отца! И возможно, сегодня последний день её нахождения на корабле!

Когда Флорис вошёл, то даже не взглянул в её сторону. Всё его внимание было обращено на капитана. Сопровождали графа двое слуг-охранников. Судя по их взглядам – оба были начеку. Сам же Анри де Флорис держался весьма уверенно и небрежно, будто приехал на ужин к какому-нибудь знакомому.

– Добрый день, сударь, до меня дошли слухи, что у вас ко мне какое-то дело? – сказал граф.

– Приветствую вас, милостивый государь, – отозвался Эли.

От его безукоризненно вежливого тона повеяло холодом. Капитан лёгким кивком указал на застывшую в стороне Марселлет.

– Как видите, дело действительно важное.

Граф задержал свой взгляд на дочери, а потом снова повернулся к Эли. И прищурился, будто вспоминая, где мог его видеть.

– Мы с вами раньше не встречались? – спросил он.

– Встречались, – кивнул Вольфсон. – Прямо здесь, в Марселе, и встречались.

Неожиданно Флорис, до того глядевший чуть прищурившись, переменился в лице, словно его озарила какая-то догадка. Во все глаза уставился на капитана и словно бы вздрогнул. Отступил назад. Эли, скрестив на груди руки, криво усмехнулся. По реакции графа понял, что тот его узнал.

– Вы изменились, – заметил Флорис, пытаясь совладать с собой. – Повзрослели.

– Так ведь восемь лет прошло. Дочка вон ваша тоже как повзрослела.

Граф нахмурился и даже будто бы ссутулился.

– И чего же вы от меня хотите? – спросил он.

– Не люблю напоминать людям об их долге, – сказал Эли. – Но вы меня вынудили.

На эти его слова граф дёрнулся, как будто получил удар. И сжал челюсти с такой силой, что Марселлет почти слышала скрип зубов. Но странно, он словно бы испугался. И взгляд его, направленный на Эли, на секунду стал затравленным. Но заметив, как внимательно за ним наблюдает дочь, граф выпрямился и взял себя в руки.

Неожиданно в дверь постучали. В проёме показалась голова одного из помощников капитана.

– Ваше сиятельство... На секундочку...

Эли, недовольный тем, что его отвлекают, всё же вышел.

А Флорис тут же воспользовался случаем и шагнул к дочери.

— Как ты могла, Марселина, быть настолько неосторожной? — прошипел ей в лицо граф. — Как смела так глупо меня подставить? Из-за тебя я вынужден был бросить дела в Париже и мчаться сюда. Оставить супругу, которая вот-вот должна родить... Всё из-за тебя...

Он осёкся, услышав, что дверь за его спиной чуть скрипнув, открылась. Оглянувшись, напоролся на холодный взгляд глубоких карих глаз, и замолчал. Эли же не верил своим ушам. Он совершенно иначе представлял себе встречу отца с дочерью.

— Так на чём мы остановились? — промолвил Вольфсон, сделав вид, что ничего не произошло.

Из общения отца с капитаном «Северайн» Марселлет совершенно ничего не могла понять. От волнения она плохо улавливала нить разговора. К тому же оба они говорили какими-то загадками. Если отец был должен Эли денег, то почему не отдал? Ведь это непорядочно — занять деньги и не вернуть. А граф всё же был человеком, берёгшим свою репутацию. Неужели речь шла о такой сумме, которую нельзя просто взять и отдать? Но на что ему могли понадобиться эти средства? Марселлет казалось, что явился отец с полной уверенностью в своей правоте, а вот увидев того, с кем ему придётся иметь дело, резко сдулся.

Признаться, Эли не производил впечатления настолько богатого и серьёзного человека, чтобы иметь с графом ка-

кие-то финансовые дела. Он её отцу в сыновья годился. Что могло их связывать, какие счёты между ними?

– Сделаете то, что должны, и Марселлет получит свободу.

Граф вместо ответа повернулся и снова подошёл к дочери, посмотрел внимательно ей в лицо.

– Они тебе не причинили вреда? Не обидели?

Она тарасилась на него во все глаза и молчала.

– Ты же девушка ещё? – уточнил Флорис, видя, что дочь не понимает. – Или всё, мужа тебе искать нет смысла, только опозоришь семью.

В его взгляде появилась опасная тяжесть. Воздух в комнате заметно сгустился и стал практически осязаемым, горячим, наэлектризованным.

– Батюшка, вы что! – всхлипнула пораженная Марселлет, не веря своим ушам.

Она даже голову в плечи втянула и шарахнулась от отца в ужасе. Стыд-то какой! Такие вопросы ей при посторонних задаёт, да ещё при ком! А у Эли мелькнула мысль уж не применяет ли граф в воспитании дочери физическое воздействие?

Вольфсон требовал того же, что и девушка из его сна. Но как он сделает то, чего от него хотят, если это означает обесчестить себя, опорочить своё имя и лишиться всего? Нет! Он не пойдёт на подобное даже ради дочери.

Накануне исчезновения Марселлет ему в очередной раз снился этот ужасный сон, в котором была она!

– Признайся во всём! Расскажи правду! Правду! Иначе заберу дочь. Расскажи, что случилось со мной! – после полуночи графа снова разбудил зловещий шёпот.

Полупрозрачная фигура стояла посреди его спальни, не касаясь ногами пола, зависнув в воздухе. Такая же прекрасная, какой он её помнил. Она. Та самая. Флорис в ужасе смотрел и не мог понять, сон это или явь. Она являлась к нему во снах давно. В последнее время слишком часто. Может он сходит с ума? Его охватил суеверный ужас. Анри никогда не отличался набожностью, но после этого сна как был, в ночной рубашке упал на колени перед распятием и долго молился. Решил сходить в церковь, помянуть покойную. И может быть, она перестанет тревожить его по ночам. Граф не верил в призраков и загробный мир. Считал, что эти сны – злая шутка его собственного воображения и ...совести. Но как он расскажет? Как после этого он посмотрит в глаза молодой жене и дочери? Нет, никогда Флорис не сможет признаться!

– После такого похищения никто не поверит в её невинность, – пришёл к весьма странному выводу граф.

Он обернулся к Эли. Тот стоял, скрестив на груди руки. Когда взгляды мужчин встретились, капитан усмехнулся. И Марселлет показалось, что это прозвучало издевательски. Отец вдруг взял её лицо в руки и поцеловал дочь в лоб.

– Прости, но так надо. Надеюсь, ты меня не возненавидишь. Марселина, выйди. Нам нужно поговорить.

Марселлет вжалась в стену и, опустив голову, молчала. Не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, что её очи наполнились слезами.

Эли посмотрел в её сторону, и впервые в его взгляде промелькнула жалость. И сочувствие. Ведь он тоже был никому не нужным ребёнком, позором своего отца. Но он-то — внебрачный сын. А её за что так не любит этот напыщенный гордец? Как можно с подобным пренебрежением отзываться об этой беззащитной девушке, собственной дочери?

Мадемуазель де Флорис поднялась и послушно вышла на ватных ногах, но едва оказалась за дверью, пропала спиной к стене. Поняла, что не может идти. Сердце билось настолько сильно, что от этого было больно. Они там решают её судьбу, а саму её отослали прочь, чтоб не вмешивалась. Марселлет слышала негромкий гул мужских голосов. Они говорили тихо, слов нет разобрать. Девушка облизала сухие губы, закрыла глаза. У неё было полнейшее ощущение, что её жизнь сегодня окончательно изменится.

Глава VI Закон Моисея

– Откуда мне знать, что вы или ваши люди не лишили её чести? – спросил граф де Флорис, когда мужчины остались одни. – Моей семье такой позор не нужен. Ничего вы не получите. А порченную девку можете забрать себе. Думаю, она это сможет пережить. Бабы с таким легко смиряются, – граф повернулся на каблуках, намереваясь покинуть комнату.

Всем своим видом он давал понять, что разговор с капитаном будет коротким и что на его условия Флорис не пойдёт ни при каких обстоятельствах. Та растерянность, что охватила графа в начале их встречи, словно испарилась. Для себя он принял окончательное решение – лучше расстаться с дочерью, чем с честью. И всё же Анри де Флорис избегал прямого взгляда своего оппонента. Если вначале тот смотрел с вызовом, ожидая жёсткого сопротивления, то теперь это было откровенное презрение. Эли не скрывал, что считает графа трусом и подлецом.

– Вы сейчас хотите переложить на меня ответственность за происходящее? – осведомился Вольфсон. – Строите из себя жертву? Ну-ну.

Флорис, не сдержавшись, фыркнул от возмущения. Его лицо выражало гораздо больше эмоций, чем граф пытался показать. Они сменяли друг друга как театральные маски.

Граф будто бы порывался что-то сказать, но отчаянно сдерживал себя.

Марселлет понятия не имела, о чём говорили наедине её отец и капитан «Северайн». Ей было до боли обидно за то, что граф так с ней поступил – не приголубил, не обрадовался встрече, а сразу обвинил в том, чего не было, оскорбляя её, собственную дочь, подобными предположениями. Но ещё горше ей было от стыда, что у такого богатого и влиятельного человека дочь – нищенка.

Напряжённая, как струна, она ждала итога этих переговоров, как приговора. И в душе уже будто бы всё знала. Не ощущала она радостной лёгкости, какую должна испытывать спасённая из плена. Что-то угнетало, нависая чёрной тучей, давило, заставляло внутренне холодеть.

Когда отец в сопровождении своих охранников решительно покинул кабинет Вольфсона и направился мимо неё к палубе, Марселлет вскрикнула и протянула к нему руки.

– Батюшка!

Но он даже не обернулся. Отец, кажется, только и ждал удобного повода, чтобы от неё избавиться. И это похищение стало именно такой возможностью.

Марселлет глядела вслед графу, а капитан смотрел на неё. Лицо его выражало сожаление и сочувствие. Но когда девушка стала растерянно озираться, будто не веря в то, что отец бросил её здесь, то наткнулась Вольфсона. И он, всегда такой самоуверенный, ироничный, вдруг опустил глаза. Ка-

питан старательно избегал встречаться с ней взглядом, потому что не знал, что сказать. Но она ничего и не спрашивала. Она вообще смотрела будто сквозь него. И вдруг стала мелко дрожать, хватая ртом воздух. Словно что-то мешало ей вдохнуть. Марселлет не могла кричать или дать волю рыданиям. Но на её лице было написано такое необъятное горе, какое испытывает человек, только что узнавший и потеряв кого-то очень близкого.

– Да ей лекарь нужен, – хмуро пробурчал одноглазый, прошмыгнувший мимо с подносом.

За корабельным доктором послали не мешкая. И он тут же примчался.

Местный врач месье Бовон был представительным мужчиной лет сорока пяти. Марселлет его уже видела, когда только попала сюда и её мучила морская болезнь. Доктор оказался ей человеком очень добрым и совсем не похожим на морского разбойника. Что его вынудило работать на пиратском судне? Видимо, хорошие деньги, какие он бы не смог получить, занимаясь лечением простых горожан. А быть может и что-то другое. У каждого пирата своя история того, как и почему он ступил на эту стезю. И, как правило, она совсем не весёлая. Чаще всего так случалось из-за какой-то трагедии в жизни. В пираты шли люди, у которых больше ничего не осталось в жизни, и им нечего было терять. Редко целью была именно нажива. Рядовые моряки получали мизерную долю от добычи. Большая часть полагалась капитану и его

приближённым.

В лазарете находилось несколько членов экипажа, поэтому уделять много внимания своей пациентке врач не мог, хоть у него и имелся помощник – юноша, бывший одновременно и учеником и прислугой. Да и сама Мадемуазель де Флорис долго находиться под присмотром доктора не собиралась. Никакие микстуры не способны помочь в её ситуации. Марселлет накрыто полнейшее безразличие и даже какое-то отупение. Она не могла ни думать, ни говорить. Не желала ничего знать и делать. Просто лежала, повернувшись лицом к стене и закрывать глаза. Сверху доносились звуки обычной корабельной жизни. Всё шло своим чередом, никому не было дела до её трагедии... А Марселлет рыдала горько и безнадежно, проклиная свою судьбу.

Но возможности обдумать произошедшее, вдоволь погоревать и осознать предательство отца ей не представилось. Ранним утром следующего дня по движению на палубе она поняла, что что-то происходит. Матросы обычно выполняли какую-то работу, и шум сверху практически не стихал. Но сейчас он приобрёл хаотичный характер. Было слышно беготню, гулкие удары, крики. Что-то катили, чем-то гремели, лязгали. Был слышен звон металла и треск дерева. А когда раздались взрывы, и судно в буквальном смысле сотряслось несколько раз, Марселлет догадалась, что «Северайн» вступила в бой с другим кораблём. Судя по звукам, команда расчехлила пушки, и схватка приобрела весьма серьёзный обо-

рот. На верхней палубе шло настоящее сражение! Несмотря на раннее утро всё вокруг накрыла тьма дымовой завесы. Даже в её маленькую каюту просочился удушающий запах гари. Мачты скрипели от натуги, вздувшиеся паруса покрылись порохом и стали почти чёрными, канаты натянулись, словно жилы, заставляя мощную красавицу «Северайн» маневрировать. Когда в очередной раз ударил пушечным гром, корабль так сильно тряхнуло, что мадемуазель де Флорис чудом не свалилась с кровати.

Кто на кого напал и с какой целью – пока можно было только гадать. Насколько мощный корабль у Вольфсона и способен ли он выстоять в этом противостоянии – этого Марселлет не знала. Что если их потопят? Что будет с командой? Всех, кто выживет, возьмут в плен? Девушка не в силах была унять обуявшее её волнение. Сердце колотилось как бешеное и уже даже не в груди, а прямо в висках. Судьба будто нарочно проверяла её на прочность, посылая на её голову испытания одно страшнее другого. Марселлет не могла просто сидеть и ждать развязки. Но и что-то предпринять не смела. От неё тут совершенно ничего не зависело. Ей оставалось одно – молиться, призывая на помощь Господа.

Грохот через какое-то время стих, но Марселлет ещё долго не решалась покинуть свою каюту. Прислушивалась к звукам сверху, пытаясь понять, чем закончилось дело. Судя по тому, что пробило восемь склянок, на корабле сменилась вахта. Девушка уже привыкла к звонам рынды – корабельно-

го колокола, и знала, что они означают. Склянки били каждые полчаса. В полдень, когда начинались новые судовые сутки, звучало три трёхкратных удара. Также эти тревожные звуки раздавались в случае какой-то непредвиденной и опасной ситуации, например, пожара или нападения.

Когда Марселлет поднялась на палубу, её поразило царившее вокруг спокойствие. Девушка нашла более менее укромное место и, опершись о фальшборт, стала смотреть вдаль – на розовеющее на востоке небо. Вскоре до неё донеслись обрывки болтовни нескольких матросов, занятых плетением снастей из тросов и верёвок. Из их разговора Марселлет сделала вывод, что когда корабль проходил небольшую бухту, ему наперерез вышло незнакомое судно без опознавательных знаков, и быстро пошло на сближение. «Северайн» была совершенно не готова к столь внезапной атаке. Команда защищалась, но противник превосходил лёгкое судно Вольфсона в количестве пушек и мощности. Поэтому пиратам пришлось спасаться бегством. Благо, судно практически не пострадало. «Северайн» была быстроходной двухмачтовой шхуной и смогла успешно уйти от погони. Кто столь дерзко напал на них, так и осталось загадкой. То ли это были другие пираты, то ли кто-то нарочно охотился именно за кораблем Вольфсона. Но враг оказался настроен весьма решительно.

Море было тихим и тоже чуть розоватым. Совершенно безветренная погода обещала хороший тёплый день. Мар-

селлет зажмурилась и невольно улыбнулась. Она не слышала, как он подошёл. Положил руки на деревянное ограждение и тоже стал смотреть куда-то на восток.

– Нравится? – спросил Эли.

Марселлет покосилась на него и снова взглянула на море.

– Да, очень красиво, – кивнула она.

– И я люблю вот так стоять и смотреть. Там Франция.

Он указал подбородком куда-то в сторону. Марселлет посмотрела в том направлении. Едва заметная между морем и небом, там проступала полоска суши. Но к удивлению девушки, это не вызвало у неё каких-то бурных эмоций, ожидаемой радости. Она равнодушно отвела взгляд.

– Что случилось утром? Мы все могли погибнуть? – спросила девушка.

– Не беспокойтесь. Сейчас нам ничего не грозит.

– И часто с вами происходит подобное?

– Бывает. Жизнь на море весьма жестока. Некоторым не нравится, что я хозяйничаю в этих водах. Делают попытки избавиться от меня. Но до сих пор это никому не удавалось. Только зубы пообломали. Море меня любит и помогает мне.

Какой самоуверенный! Да и, как выяснилось, команда так не считала. Из перешёптываний матросов Марселлет поняла, что многие были недовольны тем, что пришлось ретироваться и этим признать свою слабость. Хотели продолжать бой.

Вольфсон не знал, что ему теперь делать с пленницей.

Отец её, в сущности, отказался от дочери. Просто отпустить девушку для него позорно и является ударом по репутации. Но и продолжать удерживать её в плену не имеет смысла. Ему нужно найти другой способ добиться от Флориса своего. Жёну его надо было похищать, тогда, может быть, он и сделал всё, что от него ждал Эли.

Ночью произошло ещё одно событие, совершенно из ряда вон выходящее. Кто-то пытался проникнуть к ней в каюту. Марселлет проснулась от шума в коридоре. Её дверь тряслась от толчков снаружи. Некто явно пытался ворваться к ней, прилагая для того немалые усилия. В первый момент девушка страшно испугалась. Разбудивший её грохот заставил сердце затрепыхаться внутри почти болезненно, сбивая дыхание и вызывая шум в ушах. Что если злоумышленнику удастся ворваться? Чего он хочет? Удары в дверь сопровождались пьяным бормотанием. Наверняка кто-то из команды напился и решился на преступление.

Девушка сначала сидела тихо, прислушиваясь к бушующему за дверью беспорядку. Но когда петли её бастиона затрещали под весом навалившегося на дверь мужчины, закричала, уже не помня себя.

– Помогите! Помогите!

Шум снаружи усилился, но создавал его уже не тот, кто так рвался к ней в комнату. Послышался топот нескольких ног, какие-то отрывистые приказы, гомон. Девушка различила интонации Вольфсона и его помощника, которого, как вы-

яснилось, зовут Чёрный Жак. Она считала его боцманом, но недавно бачковой (именно так называлась должность одноглазого, в чьи обязанности входило распределение еды между членами команды), сказал, что это старпом. А боцманом оказался долговязый молчаливый старик – ревностный поборник дисциплины на борту, не позволявший команде сидеть без дела.

Судя по звукам, дебошира увели. К ней в дверь постучали, но она не шелохнулась, боясь, что это может быть снова кто-то, кто желает ей зла.

– С вами всё в порядке? – раздался голос капитана.

– Да, благодарю, – пролепетала в ответ Марселлет, наконец, осмелившись подойти к двери.

Она спрыгнула с постели, поплотнее завернулась в покрывало из грубой шерсти, которое выделили ей в качестве одеяла, и хотела было отпереть, но Вольфсон опередил это её действие.

– Хорошо, спите. Вас больше не потревожат.

И она слышала его удаляющиеся шаги. Судя по голосу, капитан был на взводе. Даже она слышала kloкотавшую в нём ярость. Кто же был тот человек, пытавшийся ворваться к ней среди ночи? Кто из команды решился на это?

Оставшуюся часть ночи девушка не смогла сомкнуть глаз. Ждала рассвета, чтобы выйти на палубу. Надеялась из разговора членов экипажа разведать, что же всё-таки случилось ночью. Однако на рассвете случилось что-то ещё более вол-

нительное и даже страшное. Едва она появилась наверху, как её буквально заставили вернуться в каюту. Несмотря на раннее утро, на палубе собрались почти все моряки. Лица их были мрачны и смотрели пираты исподлобья. Шуметь не решились, лишь перешёптывались.

Марселлет успела рассмотреть привязанного к одной из мачт по пояс голого молодого человека. Она не могла видеть его лица, но догадалась, что это и есть тот ночной дебошир.

До её каюты оттуда почти не долетали звуки. Она не слышала ни свиста плетей, ни жалобных криков казнённого.

– Что случилось? – накинулась девушка с расспросами на одноглазого, принёсшего как обычно ей завтрак. – Что было на палубе утром?

– Уго плетьюми секли. По твоей вине, кстати, – пробурчал недовольно тот.

– Я тут не причём!

– Как это не причём? Не будь тебя, он бы не буянил тут ночью, а выпил бы и спать пошёл. Давно уже на тебя глаз положил, бедняга. А после утреннего боя совсем нервы сдали у парня.

Марселлет понятия не имела, о ком идёт речь. Она впервые слышала о матросе по имени Уго. И совершенно не считала себя виновной в произошедшем.

– Капитан был взбешён и приказал всыпать ему плетей по закону Моисея[1]. Назначил тридцать ударов. Сказал, что на первый раз пожалел. Вообще положено сорок. У нас такого

ещё не было! Зверство натуральное! Думаю, помрёт теперь Уго. Мало кто после такого способен очухаться.

Масреллет поняла, что одноглазый зол на неё, а своего товарища ни в чём не винит. И наверняка с ним солидарна вся команда.

Девушка была не далека от истины. Матросы начинали роптать. Мол, с появлением на корабле бабы у них всё стало плохо. Говорили, что капитан не собирается с ними делиться своей добычей, «бережёт потаскуху для себя».

– Вот же бедовая девка! – говорил боцман старпому. – Она как этот модный десерт, который нынче подают в богатых домах Франции. Грильяж! На вид притягательная и аппетитная, но на вкус горчит, и зубы об неё можно сломать [2].

Чёрный Жак промолчал и посмотрел на задумчивого капитана, устремившего взор вдаль – на совершенно чистое, без единого облачка, небо.

– По-моему у него опять начинается, – проговорил недовольно моряк. – Как тогда.

Старпом шикнул. Но тот всё равно продолжал.

– Надо что-то делать. Он тогда чумной ходил, болел ею. А когда она умерла... Сколько он тогда гашиша скурил? Чуть сам не помер.

Чёрный Жак снова хмуро поглядел на стоявшего поодаль Эли.

– Он уже не курит.

– Ага, а если эта тоже того? Говорю же, надо что-то де-

лать. Мы не няньки для него. Если епископ хочет, пусть доплачивает за это. Но делать вид, что мы тут все перед ним на цирлах ходим, ребятам надоело.

Старпом озадаченно постукивая пальцами по деревяшке. Он давно думал, что воспитывать таких вот глуповатых возторженных щенков надо гораздо более жёсткими методами, чем это делает епископ. Тот беспрестанно жалеет сына и балует его, идя на поводу у прихотей своенравного отпрыска. Собственный корабль и команда, находящаяся в полном его подчинении, совершенно не были оценены этим молокососом. Эли искренне уверен, что все их достижения – его заслуга. Надо бы перестать прикрывать его задницу и показать парнишке, какой суровой может быть реальная жизнь...

Вечером следующего дня на борту случился настоящий пир. Марселлет понятия не имела, в честь чего затеяно празднество, но даже ей принесли сочный кусок мяса и немного вина.

[1] Наказание плетью, иначе называлось законом Моисея. Обычно назначалось 40 или 39 ударов, причем меньшее число ударов означало некоторое подобие гуманности, так как согласно Ветхому завету 40 ударов плетью фактически означали смертную казнь. Разумеется, и 39 ударов было достаточно, чтобы наказуемый умер, но наказывать 40 ударами, как Понтий Пилат, считалось негуманно. Чаще всего капитан или команда выносили наказание меньшим числом уда-

ров плетью, в зависимости от тяжести преступления. Во времена Золотого века пиратства наказание 39 ударами плетью было чрезвычайно распространенным явлением.

[2] Грильяж (фр. grillage) – французский десерт из жареных орехов с сахаром. Происходит из восточной халвы грубого помола. Восточные сладости в течение длительного времени были недоступны европейцам. В Европу они пришли где-то в XVII—XVIII веках. Изделия типа карамели – козинаки, грильяж – подавались в домах аристократов.

Глава VII Изгнанники

– О боже! Что случилось? – едва слышно пролепетала девушка.

Она пришла в себя и обнаружила, что лежит прямо на песке. Рядом шумело море, истошно кричали чайки. Открыв глаза и обнаружив столь непривычную картину, Марселлет встрепенулась. Первым порывом было сесть, но голова закружилась и девушка упала назад. Подождав, пока окружающий мир снова примет своё привычное расположение, мадемуазель де Флорис поднялась на локте и осмотрелась. Потёрла щёку, отряхиваясь от прилипшего к коже песка. Вся её одежда и волосы были в нём. Молнией поразила мысль о том, что «Северайн» попала в шторм, и её выбросило на берег. Но тогда бы она хоть что-то запомнила! Да и, если следовать логике, вокруг должны быть разбросаны какие-нибудь вещи с корабля, обломки судна. Где хоть кто-то из членов экипажа? Мысли были туманны. Марселлет пыталась что-то вспомнить, но нить её воспоминаний обрывалась на том моменте, когда она сытно поужинала и легла спать под пьяные крики матросов с верхней палубы. К непониманию и растерянности добавлялось лёгкое головокружение и тошнота. Обстановка вокруг не давала ей ни единой зацепки, указывающей на то, что же произошло. Обычный берег, море, песок,

какие-то заросли чуть поодаль... Марселлет громко чихнула, пытаясь избавиться от попавшего в нос песка. А потом ещё и ещё раз.

– Будьте здоровы, – раздалось откуда-то сверху.

Мадемуазель де Флорис взвизгнула от неожиданности и моментально вскочила на ноги. От столь резкого движения её повело в сторону, но она сумела удержаться на ногах. В паре шагов позади неё, положив руки на пояс, стоял Вольфсон. Прищурившись, он глядел поверх её головы на море. Лицо его казалось до крайности суровым. Капитан был явно расстроен. Ему-то самому всё было очевидно – команда взбунтовалась и избавилась от него. В еду или вино было подмешано снотворное. Очнувшись гораздо раньше своей пленницы, он успел прийти в себя, оценить обстановку, и понять, что произошло. Эли оставили на берегу с мушкетом и мешочком, полным золотых монет. Это один из видов наказания у пиратов. Самый жёсткий – оставить на необитаемом острове с оружием и водой. Чтобы провинившийся застрелился сам. Было ли это место необитаемым? К счастью нет. Капитан уже прошёлся по берегу и понял, что они находятся на материке. Это было не казнь. Его просто вышвырнули, как ненужный хлам. А в придачу и эту девчонку.

Марселлет попятилась от него, притом, что её сердце пустилось в галоп от радости. Если он с ней, то значит, не так уж всё плохо! Но Эли по-своему трактовал её реакцию.

– Не паникуйте, – предупредил он. – Для начала нужно

выяснить, где мы. Судя по всему, какая-то деревушка.

– Что? – не поняла Марселлет, глядя на него во все глаза и пытаюсь понять, сон это или явь.

– Я говорю, мы в какой-то деревне.

– Я не глухая, – разозлилась девушка. – Почему мы тут? Какая это страна?

– Франция.

– А где все остальные?

Эли демонстративно закатил глаза.

– Думаю, мысленно с нами.

– В каком смысле?

– Вы не поймёте, поэтому задавайте следующий вопрос.

– Нас что, высадили на берег?

– Какая поразительная сообразительность, – капитан пару раз хлопнул в ладоши.

– Какая предсказуемая язвительность! – эхом отозвалась Марселлет.

Хмыкнув, она вздёрнула подбородок и двинулась мимо него вглубь зарослей. Ещё недавно напуганная до полусмерти, теперь девушка вернула себе былую дерзость.

– Да постойте вы, – примирительно произнёс Эли, поймав её за локоть.

От его прикосновения она едва заметно вздрогнула.

– Раз уж так случилось, что нас обоих оставили здесь, то не лучше ли нам держаться вместе? Тем более что у меня есть оружие и деньги, а у вас нет.

Марселлет легко сдалась, словно только этого и ждала.

– Хорошо. Но что нам делать?

– Приспосабливаться, – ответил Эли, и окинул её оценивающим взглядом. – Вам придётся либо прикинуться юношей, что будет не трудно, ведь на вас мужское платье. Либо сделать вид, что вы... моя супруга, например. Ну, или сестра на худой конец. Тем более что мы немного похожи, не находите?

Видя, как его спутница хмурится, Вольфсон решил, что был недостаточно убедителен.

– Иначе появление такой юной девушки без компаньонки или служанки может вызвать нехорошие мысли у окружающих. А от нехороших мыслей один шаг до нехороших намерений, – произнёс он.

Марселлет отрицательно покачала головой.

– Исполнять роль вашей супруги я уж точно не желаю.

Теперь настала её очередь выразительно закатить глаза. А он поджал губы. Только она этого не заметила.

– Лучше уж мужское платье носить, – добавила мадемуазель де Флорис.

– Хорошо, – кивнул Вольфсон. – Тогда вас нужно будет постричь.

– Что?!

– Обрезать волосы. Где вы видели мужчин с волосами до задницы? Марселлет оскорблённо уставилась на него, надеясь, что он шутит.

– Как можно отрезать волосы? – обиженно воскликнула она.

Эли понимал, что ему теперь нужно думать, как прокормить себя и её. И как раздобыть новый корабль и команду. А ещё нужно отомстить предателям, которые так с ним поступили. В общем, планов в голове он настроил немало. Но для их воплощения в жизнь ему придётся идти на поклон к отцу, с которым он не общался уже несколько лет. Тот хотел, чтобы сын остепенился и стал военным. А лучше чтоб женился.

– Наверное, это из-за того, что вы так жестоко наказали Уго, – заявила Марселлет обвинительным тоном. – Зачем вы приказали всыпать несчастному мальчишке тридцать ударов плетью?

– Чтобы другим неповадно было, – процедил Эли. – Пусть знают, что нужно держать себя в руках.

Для Вольфсона потеря корабля стала огромной личной трагедией. Очнувшись, он какое-то время сидел на берегу и молча смотрел на море, будто не верил, что с ним могли так поступить. Надеялся, что вернутся. Он столько сил отдал этому делу, и вот так легко всё потерял. Из-за одной-единственной ошибки. Он не получил от Флориса того, что требовал, его люди не получили обещанную награду. Простой в их деле, его растерянность... Вот и результат. И всё же он не желал смириться с мыслью, что его так легко выбросили за борт. Понимал – сам виноват. Но как заставить себя перестать злиться на Марселлет, будто все его беды из-за неё?

Как известно, для мужского авторитета нет ничего хуже, чем потакать глупой девке, стелиться перед ней и выполнять все требования. Подобных мужчин не уважали и называли тряпками. Не может этакий мямля быть капитаном пиратского судна. Он допустил, чтобы его люди посчитали его таким. Хоть на самом деле и не было ничего подобного – уверял себя мысленно капитан. Но как им теперь доказать обратное?

Марселлет даже стало жаль Эли. А тот только благодаря ей держал себя в руках. Не хотел окончательно в грязь лицом ударить. Не будь её – раскрошил бы что-нибудь парой ударов кулака и смачно выругался бы.

Острым ножом он решительно отрезал её локоны, и тяжёлая копна упала на землю. И ей вдруг и стало очень легко. У неё никогда не было коротких волос, они всегда достигали поясницы. А теперь едва доходили до плеч. И если раньше под собственным весом они были почти прямые, то теперь завились в упругие пружинки.

Справившись с её причёской, Эли извлёк из кармана шатлен, инкрустированный бриллиантами, на котором были прикреплены изящные серебряные часы, и посмотрел время. Наличие этой дорогой безделушки удивило Марселлет. Часы в то время были признаком респектабельности человека. Не каждый дворянин мог себе позволить столь дорогую вещь. Эти так вообще выглядели чересчур помпезно, не уступая в красоте женским эгретам – заколкам с драгоцен-

ными камнями. Правда, наличие карманных часов у пирата мало удивляло. Наверное, отобрал у одной из своих жертв.

До этого момента Марселлет совершенно не задумывалась, в каких условиях жила команда «Северайн». А ведь, по сути, все матросы ютились в одном помещении, служившем своего рода казармой, спали в гамаках, не имели возможности помыться и привести себя в порядок. В каютах размещались сам капитан, старпом, и несколько приближённых Вольфсона. И ещё она, Марселлет. Получается, она, пленная девчонка, добыча пиратов, жила в гораздо лучших условиях, чем они. А капитан явно мог себе позволить значительно более роскошные вещи, чем члены его команды. Так что у матросов имелись веские причины недолюбливать своего командира и его пленницу.

Места здесь были совершенно дикие. Обилие зарослей вокруг пугало Марселлет. Она чувствовала постоянное напряжение, словно ожидала нападения диких зверей или разбойников. Сейчас её единственным спасением был Эли. Нужно держаться его и не портить и так не самые лучшие отношения. Но как обычно, девушка не сумела совладать с собой и в очередной раз уколола его.

– Какая красивая у вас вещица. Ограбили кого-то?

Взглядом она проследила за тем, как он спрятал часы в карман.

– Нет, это подарок.

– Презент от Ирэн? Или от другой вашей поклонницы?

– Вам-то какое дело?

– Мне абсолютно безразлично!

– Оно и видно.

Они шли по каменистой тропинке, ведущей от берега вдоль поросшего кустарниками склона. Нигде не было видно крыш и частоколов. Совершенно обычный, ничем не примечательный пейзаж. Путь их всё время вёл наверх. И Марселлет постепенно начала узнавать скалистое, изрезанное побережье Средиземного моря. Они точно где-то недалеко от Марселя! Здесь почти нет пологих пляжей, зато полно маленьких красивых бухт с бирюзовой водой. Похоже, на берегу одной из таких они с Эли и очнулись.

– Вы, правда, думаете, что мне есть дело до вашей жизни? – возмущалась она, стараясь не оступить. – Поверьте, мне совершенно всё равно! Вы слишком самоуверенны, если думаете, что можете меня хоть немного интересовать. Я запросто...

Марселлет оборвала свою пылкую речь, потому что в зарослях раздался шум, и ветви кустарника закачались. Девушка взвизгнула и в ужасе инстинктивно вцепилась своему спутнику в руку. Причём с такой силой, что он даже поморщился. Но Марселлет этого не заметила, её внимание было обращено на происходящее в кустах.

– Если это медведь, я вас брошу и побегу, – сообщил Эли.

В этот момент из кустов высунулась голова дикой свиньи. Она испуганно шарахнулась при виде людей, и помчалась ку-

да-то, похрюкивая. Следом устремились три полосатых поросёнка. Марселлет облегчённо выдохнула и отпустила, наконец, руку Эли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.